

ДАТСКОЕ ЧУДО

СЕРГЕЙ ГОЛУБИЦКИЙ

20 марта 2017 года мир облетела благая весть: Дания выплатила последний транш в полтора миллиарда долларов и впервые за 260 лет полностью погасила свой суверенный долг в иностранной валюте.

В 1757 году Датское королевство нарушило священные принципы меркантилизма¹ и пополнила опустевшую казну талерами и гульденами, одолженными у гамбургских и амстердамских купцов, и с тех пор больше не могла избавиться от неприятной зависимости.

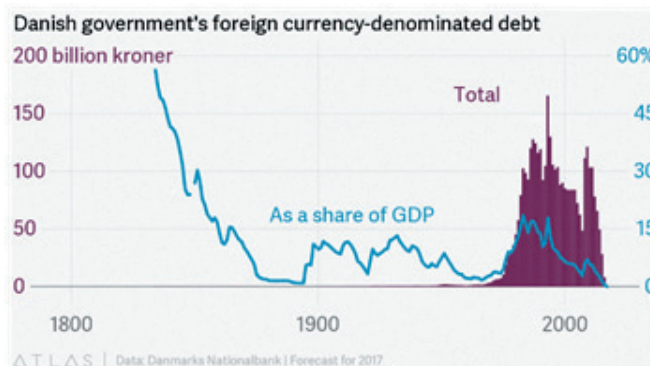
Может показаться, что суверенный долг, номинированный в иностранной валюте, ущемляет лишь национальные амбиции: обидно, мол, задолжать соседу, да ещё и его деньгами. Однако у стремления как можно скорее избавиться от подобной зависимости всегда было и рациональное зерно: ведь собственные деньги всегда можно подчеканить тайком ради своевременного погашения долга, а вот чужая монета лишена столь приятной палочки-выручалочки. Достаточно посмотреть, с каким олимпийским спокойствием Соединённые Штаты взирают на 19 триллионов долларов собственного национального долга, чтобы догадаться: родной печатный станок сердце греет!²

1 Форма экономического протекционизма, общепринятая в европейских государствах в период с XV по XIX в.в. Меркантилизм предусматривал высокие импортные пошлины, субсидирование национального производства, запрет на внешние заимствования и проч.

2 Из 19 триллионов долларов совокупных долговых обязательств США кредиты, номинированные в иностранной валюте, составляют менее 1 триллиона!

График суверенного долга Дании, номинированного в иностранной валюте, не оставляет сомнений в том, что страна при малейшей возможности стремилась избавиться от этой зависимости. В 90-е годы XIX века Дания вплотную подошла к цели, снизив долговое бремя до 1 % от ВВП, однако, как назло, процентные ставки в Европе упали до исторического минимума, датское правительство не удержалось от соблазна и возобновило кредитование в иностранной валюте для финансирования строительства новых железных дорог.

Почему погашение Данией долговых обязательств в иностранной валюте подаётся в мировой прессе как сенса-

ция? В конце концов, Дания не единственная страна в мире, добившаяся подобного результата. У её соседей — Норвегии и Германии — также нет задолженности в иностранной валюте. Существует, однако, ряд обстоятельств, которые делают достижение Дании уникальным.

Германия находится в еврозоне, и другие члены Евросоюза естественным образом выступают главными торговыми партнёрами Берлина. В подобных условиях избавиться от долговых обязательств, номинированных в швейцарских франках, американских долларах и британских фунтах, гораздо проще, чем Дании, львиная доля экспорта которой приходится на ЕС и Великобританию.

Обменный курс национальной валюты Норвегии — кроны — пребывает в свободном плавании и в основном зависит лишь от мировых цен на нефть³, тогда как датская крона с 1 января 1999 года жёстко привязана к евро в соотношении 7,46038:1 и вольна перемещаться в узком коридоре (не более 1%). Подобный «пеггинг» требует от датского правительства постоянного наличия свободных резервов в евро для того, чтобы в случае необходимости удерживать курс национальной валюты в заданном коридоре. В таких условиях решение Дании отказаться от кредитования в иностранной валюте выглядит довольно рискованным.

Есть, наконец, и ещё одно обстоятельство, делающее погашение датских инвалютных долгов уникальным. За последние 10 лет зафиксирован беспрецедентный рост долговых обязательств у большинства стран мира. Даже если абстрагироваться от долговых «рекордсменов» (Япония — 253 % от ВВП, Греция — 162 %, Украина — 158 %, Евросоюз — 125 %, США — 115% и т.д.), невозможно проигнорировать динамику, поскольку только она и позволяет объективно оценивать ту или иную задолженность.

Так, по статистике McKinsey Global Institute, суверенный долг 47 стран, лидирующих по размеру уже существовавшей ранее задолженности, вырос со 142 триллионов долларов в 2007 году до 199 триллионов в 2014 (на 40% за 7 лет!). За тот же период общий размер мирового долга повысился с 269% от суммарного ВВП до 286%.

Подобная динамика не может не вызывать тревогу, поскольку принято считать, что в эти же самые годы в мировой экономике происходил «делевередж» — массовое снижение заёмных средств.

Поразительно, однако, не столько избавление Дании от неподконтрольных инвалютных долгов в момент, когда весь мир движется в прямо противоположном направлении, а социальные и экономические последствия этого шага внутри самой скандинавской страны!

Дело в том, что резкое сокращение (тем более полная ликвидация!) внешней суверенной долговой зависимости почти всегда в истории сопровождалось катастрофой и для национальной экономики, и для качества жизни граждан страны, рискнувшей провести этот сомнительный эксперимент.

Самый одиозный пример — социалистическая Румыния, которая сначала набрала в 70-е годы прошлого века огромные долги в твёрдой валюте для финансирования мегаломанных проектов диктатора Николае Чаушеску, а

затем, в 80-е годы, по прихоти того же диктатора решила эти долги целиком вернуть. В результате не только закупки товаров за рубежом прекратились, но и весь внутренний продукт экспортировался, а выручка за него целиком шла на погашение суверенного долга. Для жителей Румынии ситуация обернулась геноцидом, поэтому неудивительно, что Чаушеску стал единственным диктатором Восточной Европы, чью жизнь оборвала автоматная очередь.

Менее одиозный, но всё же печальный пример — современная Россия, которая с гордостью демонстрирует миру суверенный долг на уровне 8% (меньше только у Кувейта, Ирана, Саудовской Аравии и Брунея) при том, что состояние национальной экономики и — главное! — уровень жизни населения вызывают лишь сочувствие.

Тем поразительнее фон, на котором Датское королевство ликвидировало свой суверенный инвалютный долг⁴:

- согласно отчёту World Happiness Report, публикуемому ООН и учитывающему такие показатели, как реальный доход на душу населения, уровень социальной защиты и поддержки, продолжительность жизни, качество медицинского обслуживания, свободу жизненного выбора и состояние коррупции, граждане Дании из года в год делят со своими соседями норвежцами первое место в рейтинге самых счастливых жителей планеты;
- уровень безработицы в два раза ниже, чем средний по Европе;
- самый низкий в мире показатель социального равенства;
- самый низкий в мире уровень коррупции;
- первое место в рейтинге Мирового банка Ease of Doing Business (лёгкость ведения бизнеса);
- высший суверенный кредитный рейтинг (помимо Дании, рейтинг AAA есть ещё только у 10 стран: Австралии, Канады, Германии, Гонконга, Лихтенштейна, Голландии, Норвегии, Сингапура, Швеции, Швейцарии).

Согласитесь, феноменальные достижения для страны, решившей покончить с внешними долговыми заимствованиями. Однако и это ещё не всё. Вернее даже не самое главное. В конце концов, если объективно сравнить экономические и социальные достижения Дании с другими передовыми странами, то ничего сверхъестественного и из ряда вон выходящего мы не обнаружим. И Швейцария, и Норвегия, и Швеция, и Финляндия, и Сингапур, и даже Германия с Италией с лёгкостью выдерживают сравнение.

ПАРАД МОДЕЛЕЙ

Поразительно совершенно другое: в Дании реализуется уникальная социально-экономическая модель развития общества, отличная и от пресловутой LME (Liberal Market Economy, либеральной рыночной экономики), и от CME (Coordinated market economy, координируемой рыночной экономики).

Принято считать, что модель либерального рынка, характерная для англосаксонской культуры и реализованная в первую очередь в США и Великобритании, является оптимальной, поскольку в полной мере раскрывает потенциал

3 Норвегия — крупнейший в Европе поставщик углеводородного сырья.

4 Несмотря на то что задолженность Дании, номинированная в кронах, составляет 40% от ВВП, сальдо этого долга положительно, поскольку Дании должны больше, чем должна она сама.

свободного предпринимательства. Для ЛМЕ характерны умеренные налоги, минимум социальных льгот и субсидий, ограниченное вмешательство в бизнес со стороны государства и ставка на свободный рынок, который, как считается, справляется с любыми затруднениями, если ему не мешать.

Популярность модели ЛМЕ объясняется не столько реальным качеством жизни людей в странах, эту модель реализующих, сколько их политической мощью и влиянием, подкреплённых массивной рекламой либерального образа жизни. Что касается качества жизни, то в Дании, Норвегии или Швейцарии оно несопоставимо выше, чем в Соединённых Штатах и тем более Великобритании. Однако

Скандинавская модель, как можно догадаться из названия, реализуется сегодня в Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии, а также в Нидерландах. У этой модели есть общий фундамент, а также – частная специфика, отражающая историческую эволюцию каждого народа и страны в отдельности.

роль единственной сверхдержавы, помноженная на доминирование в массовой культуре, отдаёт безоговорочную победу англосаксонской социально-экономической модели в общественном сознании.

Как следствие, страны третьего мира — от Латинской Америки, до Юго-Восточной Азии и новобранцев из бывшего советского лагеря — взяли на вооружение именно модель ЛМЕ, которая, наложившись на культуру, чуждую англосаксонским ценностям, дала плачевные результаты. Лучшее, чего удалось добиться, так это превратить ЛМЕ в дикий госкапитализм латиноамериканского образца, со всеми хорошо знакомыми нам прелестями повальной коррупции и вопиющего социального неравенства.

Историческая альтернатива ЛМЕ — модель координируемой рыночной экономики (СМЕ), реализованная в большинстве стран Западной Европы (Германии, Франции, Австрии, Швейцарии), а также в Канаде, Австралии, Японии и Южной Корее, строится на нерыночных принципах управления экономикой, вроде исторически и культурно обусловленных социальных договорённостей, отлившихся в различные институты демократического корпоративизма.

В модели СМЕ в гораздо большей степени, чем в ЛМЕ, проявлены черты государства всеобщего благосостояния (т.н. Welfare State) с развитой системой социального обеспечения, бесплатным образованием и льготной медициной. В странах с координируемой рыночной экономикой выше налоговая нагрузка, шире сферы государственного вмешательства в экономику и в трудовые отношения.

Очевидно, что для стран Восточной Европы, освободившихся от большевистского рабства, адаптация модели СМЕ

оказалась бы и гуманнее, и органичнее, однако решающую роль в выборе путей развития сыграл идеологический иммунитет, выработавшийся в этих странах ко всему, что связано с государственным контролем.

Именно по этой причине модель либеральной рыночной экономики, к тому же превратно усвоенная под неумелым руководством американских инструкторов, сходу превратилась в странах восточного блока в дикий *laissez-faire* капитализм, а затем и переродилась в олигархический госкапитализм аргентинского образца, который мы и наблюдаем сегодня повсеместно от Болгарии и Румынии до Украины и России.

Как мы уже сказали, в Дании реализуется уникальная модель устройства общества и экономики. Академическое название этой модели Negotiated Economy (NE, договорная экономика), однако больше известен другой термин — Nordic Model, скандинавская модель.

Формально NE считается разновидностью СМЕ, координируемой экономической модели, однако обладает рядом принципиальных отличий. В СМЕ идея корпоративизма воплощается государством, которое вмешивается в общественные и экономические отношения. В NE корпоративизм децентрализован. Договорённости осуществляются на низовом уровне: непосредственно между предпринимателями и рабочими (вернее, представляющими их профсоюзами), а также между другими гражданскими группами, у которых есть собственные интересы, заслуживающие внимания общества. У всех есть право на голос и право на то, чтобы к этому голосу прислушивались. Государству отведена роль посредника, гаранта общественного договора, обеспечивающего классические функции (судопроизводство, охрана порядка, внешняя политика и т.п.).

Скандинавская модель, как можно догадаться из названия, реализуется сегодня в Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии, а также в Нидерландах. У этой модели есть общий фундамент, обусловленный универсальной ментальностью скандинавских народов, а также — частная специфика, отражающая историческую эволюцию каждого народа и страны в отдельности.

Датский опыт, на мой взгляд, является самым любопытным, поскольку только в нём роль государства сведена к такому минимуму, что впору усомниться о принадлежности самой модели к координируемой рыночной экономике. О датской модели устройства общества мы и поговорим в оставшейся части нашего эссе.

ЗАКОНЫ ЯНТЕ

В 1933 году датский писатель Аксель Сандемозе изобразил в романе «Беглец переходит границы» гипотетический городок Янте, жители которого исповедуют десять жёстких заповедей:

- 1) Ты не должен думать, что ты какой-то особенный;
- 2) Ты не должен думать, что ты такой же, как мы;
- 3) Ты не должен думать, что ты умнее нас;
- 4) Ты не должен думать, что ты лучше нас;
- 5) Ты не должен думать, что ты знаешь больше, чем мы;
- 6) Ты не должен думать, что ты важнее нас;
- 7) Ты не должен думать, что ты способен справиться с любым делом;
- 8) Ты не должен смеяться над нами;

9) Ты не должен думать, что кому-то есть до тебя дело;
10) Ты не должен думать, что ты можешь чему-то нас научить.

Эти законы Сандемозе срисовывал с Никёбинг Морса — места, в котором прошло детство писателя. Можно по-разному эмоционально оценивать «10 заповедей», однако не вызывает сомнения, что писатель попытался художественно переосмыслить традиции, которые не родились в его воображении, а складывались тысячелетие. Неслучайно эти заповеди сегодня в Дании называют «Щитом Янте», оберегающим национальную ментальность от внешних разрушительных влияний.

Для того чтобы понять, до какой степени датская ментальность непроницаема извне, приведу реплику персонажа из книги «Заир» популярного бразильского графомана Паоло Коэльо: «Этот закон появился тогда же, когда и наша цивилизация, однако официально провозглашён был лишь в 1933 году одним датским драматургом. В маленьком городке Янте создали десять заповедей, предписывающих, как люди должны вести себя. Судя по всему, это справедливо не только для Янта, но и для всего мира. Если попытаться свести его суть к одной формуле, она будет звучать так: «Посредственность и безликость суть наилучший выбор. Будешь придерживаться его — сумеешь прожить жизнь без особых проблем. А попытаешься поступить иначе...».

Если бы Коэльо сумел преодолеть характерную для его творчества поверхностность мысли и углед в законах Янте мудрый скандинавский опыт по сдерживанию претензий самозванных вождей на лидерство, он бы, наверное, догадался, почему большинство «непосредственных и многоликих» бразильцев живёт в нищих фавелах, а «посредственные и безликие» датчане не только входят в десятку самых богатых наций планеты, но ещё и демонстрируют предельную удовлетворённость своим положением.

Как бы там ни было, ментальные принципы, на которых строится современное датское (и — шире — скандинавское) общество, в равной мере далеки и от индивидуального героизма, восплаемого романскими нациями, и от примата интересов личности в цивилизации англосаксов, и от всевластия тирана, боготворимого на Востоке, и от гнобления индивида общиной, находящего понимание у восточных славян.

Датчане каким-то мистическим образом унаследовали культ меры, свойственный древним грекам, и применили его ко всем элементам своего общества. С одной стороны,

мы видим, как интересы индивида в датской современной цивилизации подчинены (причём добровольно!) интересам социальных групп. С другой стороны, нет другого места на планете, где бы с такой неистовой фанатичностью защищались права личности на любую форму самовыражения.

Посмотрим теперь, как реализуются на практике «законы Янте» в общественной и экономической жизни современной Дании.

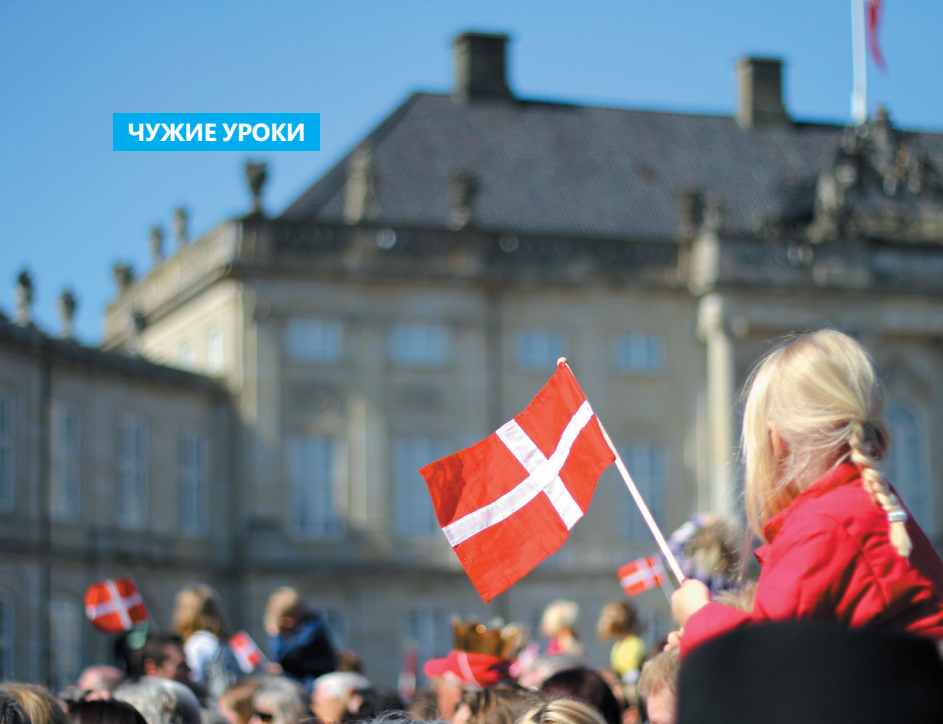
FA HAR FOR MEGET OG FÆRRE FOR LIDT

Эту строфу из патриотической песни, написанной в XIX веке датским пастором, поэтом и философом Николаем Грундвиком, можно перевести так: «У немногих слишком много, у ещё меньших — слишком мало». Датчане убеждены, что максима Грундвика передаёт самую суть их национального мироощущения, а общество, в котором нет ни слишком богатых, ни слишком бедных, соответствует представлениям об идеале.

Справедливости ради нужно сказать, что соединение капиталистической экономики с идеалами социализма отнюдь не является датским эксклюзивом. Те же самые ценности разделяют и остальные народы Северной Европы, поэтому логично начать наш анализ с рассмотрения универсального фундамента, на котором сегодня строится любая скандинавская модель.

Договорная экономическая модель характеризуется следующим набором принципов:

- частная собственность, свободный рынок и свободная торговля;
- государство всеобщего благосостояния (т.н. Welfare State);
- коллективный трудовой договор;
- абсолютная автономия индивида;
- социальная мобильность (перемещение по социальным слоям);
- бесплатное образование и всеобщая медицина;
- общественные пенсионные фонды;
- минимальная регуляция рынка;
- всеильные профсоюзы;
- очень высокий уровень социальных выплат из бюджета (Швеция — 56,6%, Дания — 51,7%, Финляндия 38,6%);
- очень высокий уровень налогов (Швеция — 51,1%, Дания — 46%, Финляндия — 43,3%);
- колоссальный размер пособий по безработице (Дания — 90% от последней заработной платы, Норвегия — 87,6%,

Финляндия — 85,1%, Швеция — 80%, для сравнения Германия — 60%, в ряде штатов США — 27%).

Как мы уже говорили, датский вариант NE характеризуется в первую очередь предельным снижением меры вмешательства государства в вопросы регулирования трудовых и экономических отношений. Если, скажем, в Норвегии основная нагрузка по обеспечению социальных льгот лежит на государстве, то в Дании эти функции по добровольному согласию всех сторон делегированы частному бизнесу.

Как следствие, в Дании совершенно ничтожный государственный сектор — 30%! Однако при этом — вот она эллинская мера в действии! — датские пенсионные фонды являются обязанностью и ответственностью государства, поскольку частная форма собственности и контроля в данной сфере чревата конфликтом интересов.

Все скандинавские страны характеризуются высоким либерализмом в сферах общественной жизни, формах самовыражения личности, культуре и искусстве. Однако Дания не только продвинулась дальше остальных, но и всегда выступала «законодателем мод»: в 1969 году эта страна первой в мире легализовала любые формы порнографии (и текстуальные, и изобразительные); в 1989 году первой законодательно закрепила понятие брака без гендерной привязки. Даже напряжённость в отношениях Западной Европы с исламским фундаментализмом, и та возникла после того, как в датской прессе появились карикатуры на пророка Мухаммеда.

Предельный либерализм можно смело называть в качестве второй (наряду с добровольным снижением государственного контроля) ключевой характеристики датского варианта договорной экономики. В далёком 1797 году датское королевство в нарушение доминирующих во всём мире принципов меркантилизма либерализовала импортные тарифы, которые впоследствии поддерживались на почти нулевом уровне даже во времена военных потрясений.

Эта традиция не только сохранилась, но и всесторонне развилась: сегодня инкорпорировать собственный бизнес в Дании можно за пару часов, а почти полное отсутствие таможенных ограничений и пошлин на международную торговлю позволяет стране крепко удерживать, как мы уже

говорили, лидирующее место в рейтинге Ease of Doing Business (лёгкость ведения бизнеса).

FLEXICURITY

Краеугольным камнем датского варианта договорной модели экономики служит Flexicurity — концепция, введённая в обиход в 90-е годы премьер-министром Дании Паулем Расмусеном.

Flexicurity — это соединение Flexibility (гибкости, эластичности) и Security (благополучия, безопасности). Такое «Гибкополучие» позволяет Дании удерживать равновесие между высокой степенью свободы на рынке труда и гарантиями социального обеспечения трудящихся.

Условие «гибкости» (Flexibility) реализуется через право работодателя в кратчайшие сроки и без долгого предупреждения увольнять любого не устраивающего его сотрудника. Как следствие датский бизнес, не связанный по рукам и ногам трудовыми обязательствами, демонстрирует уникальную способность оперативно реструктурировать штат, быстро включаться в новые проекты и не менее быстро свёртывать неперспективные начинания.

Другое условие «гибкости»: работодатель не имеет обязательств по минимальной заработной плате. Это сильно облегчает развитие бизнеса на старте, когда у предпринимателя недостаточно средств для выплаты зарплаты, однако он может мотивировать сотрудника, например, долей прибыли в будущем.

Очевидно, что «гибкость», доставляющую столько радости работодателям, необходимо компенсировать наёмным работникам, причём делать это энергично, иначе датское государство давно бы нарвалось на революцию.

Подобную компенсацию в рамках Flexicurity обеспечивает вторая составляющая концепции — Security (благополучие, безопасность).

Датское государство гарантирует своим гражданам на период временной безработицы выплату пособий в размере до 90% от заработной платы. Помимо этого государство берёт на себя обеспечение всех условий для повышения квалификации либо полного переобучения работников.

Результатом синергии всех компонентов Flexicurity в Дании стал самый высокий в мире уровень трудовой занятости женщин (73%), который, в сочетании с уровнем трудовой занятости мужчин (80%), создал ситуацию, когда практически во всех датских семьях оба супруга работают на полной ставке.

Предельная либерализация условий ведения бизнеса позволяет датским компаниям находиться «в деле» буквально 24 часа в сутки 365 дней в году. При этом никакой возможности осуществлять насилие над наёмным работником у датского работодателя нет: если сотрудника что-то не устраивает в условиях предложенного ему трудового соглашения, он развернётся и уйдёт на велфэр, неспешно подыскивая для себя более приятное рабочее место.

На практике, однако, никто никому не уходит, а напротив: работники обеспечивают отменное качество труда, поскольку заинтересованы в демонстрации хороших результатов, от кото-

рых зависят многочисленные бонусы и поощрения, с помощью которых работодатели стремятся избежать разрушительной текучести кадров.

ЛОЖКА ДЁГТЯ

Полагаю, читателям уже удалось уловить то, что ускользнуло от Паоло Коэльо в «законах Янте»: датская ментальность строится отнюдь не на доминировании общины над личностью и тем более не на подавлении оригинальности посредственностью, а на общественном договоре, включающем два добровольно принятых сторонами обязательства:

- индивид обязуется в своих помыслах и поступках не вредить общине, не противопоставлять собственные интересы интересам общины;
- община обязуется никак (вообще никак!) не сдерживать индивид в его самореализации.

Именно этот договор лежит в основе бесконфликтного действия и Flexicurity, и всех остальных принципов организации датского общества.

В заключение хотелось бы остановиться на потенциальной уязвимости Дании, которая, на первый взгляд, выглядит гораздо серьёзнее упреков Паоло Коэльо в национальном культе посредственности.

В последнее время всё чаще высказываются сомнения в возможностях датского государства выдержать конкурентную борьбу, обострившуюся до предела в эпоху глобализации, и одновременно сохранить свою уникальную систему социальной защиты.

В самом деле, как можно конкурировать на мировом рынке, скажем, с китайской продукцией, выплачивая гигантские пособия по безработице?

Полагаю, несостоятельность подобных сомнений вытекает из ошибочной постановки самого вопроса. Дело в том, что Дания вообще не собирается конкурировать с Китаем, тем более развязывать ценовые войны. У Дании совершенно иные приоритеты и козыри в современной мировой системе распределения труда.

Таких приоритетов как минимум три:

- уникальная ниша элитной продукции;
- гиганты национального бизнеса, контролирующие целые отрасли мировой экономики;
- технологическое лидерство в ряде секторов медицины и производства промышленного оборудования.

Подобно тому, как Италия задаёт мировые тренды в производстве мужской одежды, спортивных автомобилей класса люкс и промышленном дизайне, Франция — в парфюмерии, haute couture и атомной энергетике, Дания выступает эталоном как минимум в двух направлениях: молочной продукции (лучшее в мире молоко Osted mejeri, масло Lurpak, пользующееся на протяжении 110 лет репутацией самого вкусного натурального сливочного масла категории «премиум», и др.) и элитной бытовой технике (Bang & Olufsen).

Помимо элитных ниш конкурентоспособность датского бизнеса обеспечивается активностью целого ряда гигантских национальных предприятий:

- A.P. Moller-Maersk, крупнейшего в мире оператора морских торговых перевозок;
- Carlsberg Group, пятой в мире крупнейшей пивоваренной компании;

- Lego, производителя детских игрушек, лишившего в 2015 году Ferrari титула «самого влиятельного бренда планеты»;
- Ессо, обувной компании с оборотом в полтора миллиарда евро, чья продукция реализуется в 14 тыс. торговых точек в 88 странах мира;
- Arla Foods, шестого по размеру молочного концерна в мире.

Лидирующие позиции в медицине обеспечивают Дании Leo Pharma, которая специализируется на препаратах для лечения дерматитов, и Novo Nordisk, задающая тон в лечении сахарного диабета и сопутствующих заболеваний.

Датская ментальность строится отнюдь не на доминировании общины над личностью и тем более не на подавлении оригинальности посредственностью, а на общественном договоре, включающем добровольно принятых сторонами обязательства.

Наконец, заключительный штрих, призванный успокоить всех, кто сомневается в перспективах Дании вынести тяготы глобализации. На мировом рынке страну представляют:

- Grundfos, один из крупнейших в мире производителей промышленных насосов;
- Danfoss, один из крупнейших в мире производителей оборудования для автоматического контроля, гидравлического и компрессорного оборудования, а также систем терморегуляции;
- MAN Diesel & Turbo, ведущий мировой разработчик и производитель дизельных двигателей, используемых на судах и на береговых установках;
- Rockwool, один из крупнейших в мире производителей экологически чистых огнеупорных, водостойких, вибро- и шумопоглощающих изоляционных материалов на основе минеральной ваты.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Перечисляя все эти достижения, ловил себя на мысли, что не нахожу ответа на простой вопрос: как такое многообразие промышленной и научно-исследовательской мощи смогла породить нация, численность которой не дотягивает даже до шести миллионов человек?!

Самое, однако, загадочное в датском чуде — это, всё же, законы Янте. Если на основании таких «приземлённых» посылок удастся воздвигнуть государство, дающее так много человеку в обмен лишь на сохранение приоритета общественных интересов над личностными, как минимум приходится усомниться в справедливости приоритетов и ценностей, который прививали нам с детства.

БЖ